

сто лет, - несмотря на все это, Франция представляет собою по-прежнему агломерат, т. е. бессвязное сожительство самых разнообразных частей. Ее северо-запад даже в настоящее время отстает по крайней мере на полстолетия от ее восточных частей. Великая Революция, т. е. великое крестьянское движение, во время которого был уничтожен выкуп крепостных обязательств и крестьяне отобрали назад земли, захваченные у них за предыдущие двести или триста лет помещиками и монастырями, а также городские бунты, имевшие целью уничтожение городской, полукрепостной зависимости мастеровых и освобождение от почти самодержавной королевской власти, - это народное восстание распространилось по преимуществу в юго-восточных, восточных и северо-восточных частях Франции; тогда как северо-запад и запад остались оплотом дворян и короля и даже взяли за оружие в вандейском восстании против якобинской республики. Но то же самое разделение страны на восток и запад существует и по сию пору; и когда, в начале обоснования теперешней республики, выборы в палату должны были решить, чего хочет Франция - республики или возврата к монархии, - карта республиканских выборов (выбор 363-х республиканских депутатов) совпала с поразительною точностью с картою, на которой я как-то нанес все известные мне крестьянские и городские восстания в 1788 - 1792 годах. Только со времени утверждения теперешней республики республиканские идеалы начали проникать среди крестьян северо-западной и западной Франции.

Запад и восток Франции, ее юго-запад и северо-восток, ее центральное плато и долина Роны остаются отдельными мирами. И это различие резко выступает не только среди сельского населения этих областей (сельский полупромышленный кустарь французской Юры и бретонский крестьянин - две разные народности), но и среди городского населения. Сравните только Марсель или Сент-Этьен и Руан - с Ренном, где власть попов и вера в короля удержались еще поныне!

Франция, несмотря на целые века государственной централизации, а тем более Италия, и еще более того Испания, - страны местной, самостоятельной и обособленной жизни, объединенной только поверхностно столичным чиновничеством. В сущности, латинские страны, и даже Франция в том числе, - страны глубоко федералистические, чего, между прочим, совершенно неспособны понять государственники-немцы и немецкие якобинцы, которые вечно смешивают ненавистный им «партикуляризм» (выросший вокруг Саксен-Кобург-Ангальтских и тому подобных дворов) с федерализмом, т. е. стремлением к независимости у населения отдельных областей и городов.

В силу этого, для меня нет ни малейшего сомнения. что социальная революция во Франции-какой бы о (м ни приняла ход - будет иметь характер местный, общинный, а отнюдь не якобинский, не всегосударственный. Всякий передовой француз, знающий свою страну и не помешанный на якобинской централизации, отлично понимает (как понимал это Пи-и- Маргаль в Испании), что всякая революция проявится во Франции в виде провозглашения независимых коммун-как это было в 1871 году, когда коммуны были провозглашены в Париже и Сент-Этьене и попытки провозглашения коммуны были сделаны «бакунистами» в Лионе и Марселе. Какой бы ни заседал во Франции национальный парламент или конвент, не в нем будут вырабатываться начала социальной революции, а в отдельных городах, которые так же мало будут слушаться парламента, как Париж в 1792-м и 1793-м годах мало слушался грозного Конвента.

Весьма вероятно, также, что развитие революции будет различное в различных